

Крыша

Александр Быков

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

Александр Владимирович Быков

Крыша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67712433

SelfPub; 2022

Аннотация

Строительство крыши не такая уж тривиальная задача, особенно, если это строительство на Крайнем Севере, диаметр крыши полтора километра, да и сама крыша состоит в основном из воздуха.

Александр Быков

Крыша

Крыша

– А зачем вообще нужна эта надувная крыша? Неужели нельзя сразу нормальную забаловать? – Саня Птицын немного смутился, увидев, как на него глянули бородатый толстяк Данила Сокмин и завотделом, сухощавый, блещущий голым подбородком и голой лысиной старикан, Степан Иванович Макаров. – Я, конечно, извиняюсь... Вопрос звучит так, словно я спрашиваю, зачем вообще ваш отдел нужен...

– Об этом и спрашиваешь, – Макаров скривил снисходительную улыбку. – Ну, для новичка это простительная бестактность. Главное шефа эдак не спроси, или Яну Романовну. Мигом вышибут вон, без выходного пособия. И не за бестактность, а за некомпетентность. Ты же, по идее, уже должен изучить всю документацию.

– Все пять томов?! – вскинулся Саня. – Я их скачал себе на комм. Просмотрел кое-что, пока в поезде ехал. Но я только вчера утром в Мурманск добрался. За свой счет, между прочим.

– Ну, раз за свой счет, значит эта работа тебе нужна, – хмыкнул Макаров. – А раз Семеныч именно тебя из всех претендентов выбрал, то... – завотделом хлопнул ладонями

по коленям, – в общем, минимум, два года монолитной бетонной крыши над нашей башней не будет. Согласно плану строительства, сперва возводится внешний контур, а остальное потом, постепенно, от края к центру. В срок от двух до семи лет. Значит, нам надо в первый же месяц сделать над всей конструкцией надувную временную крышу, которая будет исправно работать хотя бы семь лет. А лучше десять. Или двадцать, на случай долгостроя и прочего форс-мажора. Вот такая у нас задача... нетривиальная, – Степан Иванович нервно дернул щекой. – Так что подключайся, парень. Возвести в Заполярье двадцатиэтажную башню диаметром полтора километра – это... Ну, сам понимаешь.

Санёк закивал:

– Про размеры-то я читал. Но все равно как-то странно...

– А про то, что в этих широтах восемь месяцев зима, читал? – вмешался Сокмин. – Про температуру, про скорость ветра на Новой Земле? Если стройку не накрыть хорошей теплоизолирующей крышей, позволяющей постоянно сохранять внутри плюсовую температуру, бетон даже схватываться толком не будет. При таких размерах в случае вымерзания бетон, несмотря на все применяемые присадки, пойдет трещинами. Поэтому фундамент и внешние стены заливаются уже сейчас, пока снаружи плюсовая температура. И внешние стены ставятся сразу обшитые панелями с утеплителем. А мы до зимы, то есть, до конца сентября, должны все это крышей накрыть, чтобы люди смогли потом спокойно работать,

даже при самом лютном морозе и ветре снаружи.

– А раньше на Крайнем Севере такие крыши ставили?

– Ставили, – кивнул заведомом. – Над башней с диаметром шестьсот метров. Потом – восемьсот. Там, в Светлогорске, Вторая и Третья башни как раз нашей, Севтяжстройской работы. В Москве сейчас ставится башня диаметром девятьсот сорок метров. Второй год над ней наша надувная крыша. Работает почти без эксцессов. Но для полутора километров такой крыши прежде никто...

Дверь кабинета распахнулась. В проеме возник мужчина в модном сером костюме. На его гладко выбритом лице сверкнула по-голливудски хищная улыбка.

– Степан Иванович, вы смету на тросы уже подготовили, да? Через два дня я ваши тросы должен оплатить, чтобы через неделю мне их отгрузили. Вы ведь не хотите сорвать все сроки?

– Алексей Сергеич, помилуйте! Я ведь уже говорил, что...

– А я говорю, что мне ваша смета нужна была еще вчера. Если мне тут придется доплачивать смежникам за срочность, то за чей счет будет этот банкет?

– Да что вы, в самом деле! – Заведомом вскочил и, подхватив снабженца под локоть, вывел его в коридор. – Тут, понимаете, есть нюанс...

Дверь за ними захлопнулась.

– Это кто был?

– Жохов. Алексей Сергеич. Через два дня ему, блин! – зло

пробурчал Данила. – Вот так у них все. Имбецилы. Авральщики... – хмуро глянув на Саню уточнил: – Как у тебя с сопроматом?

– Сдавал на третьем курсе. А что?

– Натяжение тросов раньше рассчитывал? Не на лабораторных работах, а для реальных задач? Тросов с фуллереновым сердечником? Ну, хотя бы кевларовых? Стальных?

Саня покачал головой:

– Я, вообще-то, нанялся делать роботов для монтажа и обслуживания вашей крыши. Я по роботам спец, а не по тросам. Роботы вам какие нужны?

– Да черт его знает, – Данила нервно пошевелил окладистой бородой. – Пока не понятно даже, какая именно нам нужна крыша. Этим подавай смету на тросы, а Иваныч все не решит, что именно мы считаем. С расчетами придется, небось, целую неделю провозиться. И хорошо бы потом кто-нибудь эти расчеты проверил на свежую голову. У нас, знаешь ли, не забалуешь. Если допустил лажу, потом за твой счет ее и будут расхлебывать.

– В каком смысле "за твой счет"?

– Ты контракт читал?

– Ну да.

– Внимательно?

– Ну... Зарплата... Нормальная такая.

– Офигенская тут зарплата. Лучше всех, – Данила хмыкнул. – Вот только ты ее не получишь, пока твоя часть про-

екта не будет полностью закрыта. Ежемесячно только десять процентов, в качестве аванса. Еще треть зарплаты ты получишь по окончании работ квадратными метрами построенной башни. Продавай их потом, или сам живи.

– Серьезно? – Саня растерянно оглянулся, достал свой комм и принялся тыкать пальцем в экран.

– Смотри доп. соглашение, пункт пять. Нашел?

– Ага... Черт! Мне и правда говорили что-то такое, но другими словами.

– Это они могут, – проворчал Данила. Вынув, размял дешевую сигарету, щелкнул зажигалкой. – Куришь?

– Не... – Саня замотал головой.

– И правильно. – Данила расправил бороду над накрывающим пузо замызганным свитером и жадно затянулся. Потом включил вентилятор вытяжки и выпустил струю дыма в потолок. Клубы начали медленно уползать в зарешеченную дырку в стене.

– Ну так что, Даня? – с порога спросил стремительно вернувшийся Степан Иванович. – На каком этапе у тебя расчеты по тросам?

– На нулевом, – с вызовом ответил бородач, раздраженно гася сигарету в пустой консервной банке от красной икры. – Вы ж еще не решили, какого типа крышу мы делаем.

– Так от этого твои расчеты не должны зависеть.

– Не должны, а зависят. Ну вот, смотрите, – Данила вынул из вороха исписанных листов один, перевернул его на

другую, чистую сторону и принялся рисовать: – По большому счету, у нас два варианта. Можно выкладывать надувные маты один впритык к другому, перекрывая всю крышу слева направо, – он покрыл круглую крышу нарисованной "бочки" продольными штрихами. – А можно изготовить маты в виде концентрических кругов.

На крышке второй, нарисованной рядом бочки он изобразил эти самые круги, один меньше другого, с круглой пипкой в центре.

– Ну да, – кивнул Степан Иванович. – Но для расчета нагрузки на тросы какая сейчас разница, каким будет расположение матов? И так и эдак вес ткани одинаковый, снеговая и ветровая нагрузка – тоже. Пусть уж Яна Романовна и шеф потом решают, какой вариант выбрать.

– А какая, в принципе, разница между этими вариантами? – вклинился Санёк.

– Смотри, – Макаров приобнял его за плечи, – если сделаем крышу из продольных матов, то ее работу придется поддерживать в полном объеме до того момента, когда под ней целиком будет возведена нормальная, монолитная крыша. А крышу из концентрических кругов можно демонтировать по мере возведения внешних колец башни. Над тем местом, где нормальная крыша будет готова, надувные маты можно будет убрать.

– Зачем?

– Затем, что крыша надувная, балда! – Данила глубоко

вздыхнул. – Какая бы ни была прочная и непроницаемая ткань, в ней всегда есть микротрещины. Через них идет утечка воздуха. Для поддержания формы надувные конструкции все время надо подкачивать компрессорами. Ну, ты видел эти тошнотворные надувные аттракционы-горки, которые для деток теперь там и тут выставляют каждое лето? Они же не падают именно потому, что в них постоянно нагнетается воздух. Так и у нас.

– Да понял, понял, – закивал Санёк. – Чем меньше размер надувной крыши, тем меньше электричества тратят насосы. Значит, надо делать крышу из концентрических кругов. Это же сэкономит кучу денег, когда мы станем ее по ходу строительства постепенно уменьшать, да?

– А компрессоры в концентрической крыше куда ставить? – встопорщил бороду Данила. – Подвешивать их под каждым кольцом на весу, на высоте двадцати этажей? И, само собой, электропроводку к ним тянуть. Это лишняя нагрузка на поддерживающие крышу тросы. Ее тогда надо учитывать, прямо сейчас. Тросы натягивать чаще, или более толстые, то есть, более дорогие. А какие мы компрессоры ставить будем? Какой вес закладывать в расчеты, Степан Иванович?

– Данил, мы уже обсуждали эту тему, – покачал головой завождем. – Незачем компрессоры подвешивать "под потолком". Надо ставить их на внешней стене, по периметру, а воздух к внутренним кольцам подавать через трубы.

– Угу, – язвительно буркнул Данила. – Мало мы на московской башне с такими трубами кувыркались? Подводить их от периметра к каждому кольцу, подвешивать... Там же герметичность постоянно нарушается. Если сечение труб маленькое, давление плохо нагнетается. Если большое – вес этих труб сильно тянет вниз и крепление к ткани регулярно рвется. Любой ветер, любые перемещения снегоуборщиков поверху создают колебания крыши. Трубы шевелятся. В местах сгибов и стыков ткань перетирается. Ладно, у московских заказчиков бабла немеряно. Они кинули для усиления дополнительно фуллереновые тросы потолще и теперь просто ездят по ним, как по канатной дороге, ремонтной бригадой. Ручками все проверяют, чинят. Ей богу, лучше было сразу подвесить какие-нибудь мелкие компрессоры прямо под крышей. Дешевле бы вышло и по тросам, и по обслуживанию.

– Нет, с подвесными компрессорами хуже. Даже вес воздухопроводных труб создал на полотне московской крыши, в местах, где они крепятся, прогибы. Вес компрессоров даст тебе еще больший прогиб. Будет вода в этих лужах все время скапливаться. В случае протечки прямо на твой компрессор и польется. На работающий электромотор. Нормально? А когда этот подвешенный компрессор закоротит, как ты его чинить будешь? Телекинезом? Получается, что без канатной дороги с рембригадой нам все равно не обойтись. Вот, специально и человека наняли, чтобы он заранее думал, как та-

кие проблемы решать. Как все это автоматизировать, роботизировать, чтобы монтажникам не лично геройствовать под куполом цирка, а как-нибудь дистанционно, – Степан Иванович повернулся к Саньку. – Насколько легким ты можешь сделать робота, который будет ремонтировать компрессоры и устранять протечки крыши?

Так Санёк и включился в работу по строительству Пятой Светлогорской башни. Конкретно, в работу по проектированию и обслуживанию ее временной надувной крыши. Еще неделю они ютились всем отделом в Мурманске, в небольшой комнатухе. Потом, вместе с еще сотней работников, погрузились на корабль и отправились на остров Северный Новой Земли, в Светлогорск.

К этому времени Данила и Степан Иванович как раз рассчитали все параметры тросов, необходимых для поддержания крыши. Тросов с фуллереновым сердечником, естественно – какие еще смогли бы выдержать такую нагрузку? Крышу решили делать не из концентрических, а из продольных матов. Компрессоры закупили помощнее, с возможностью подогрева входящего в надувные маты воздуха. Естественно, ставить их решили на внешнем периметре, чтобы не нагружать лишним весом тросы. Вообще, с тросами получилось, как Саньку показалось, очень удачно. Выбрали самые тонкие и дешевые из фуллереновых, чтобы установить их с

шагом в полтора метра вдоль, а потом поперек всей крыши, сплетая из сетки тросов своего рода циновку, которая должна гарантированно выдержать любые расчетные нагрузки и даже их превышение в три раза. Можно было, конечно, сделать такую сетку с шагом в два или даже в три метра, используя тросы с более толстым фуллереновым сердечником, но Санёк настоял, чтобы тросы были почаще. Потому что убирать снег с крыши он планировал типовыми роботизированными бульдозерами на облегченных пластиковых гусеницах. И ячейка поддерживающей сетки должна быть такой, чтобы эти мини-бульдозеры с габаритами два на метр семьдесят, все время хотя бы одним краем находились поверх хотя бы одного поддерживающего крышу троса.

Сейчас Санёк сидел за собственным столом в общей каюте, заменявшей их отделу во время плавания рабочий кабинет, и, чуть высунув язык от азарта, гонял в РобоКаде свой виртуальный бульдозер по смоделированному, засыпанному виртуальным снегом, полю.

– А парусность этого драндулета ты учел? – спросил заглянувший ему через плечо Данила.

– Учел, – отмахнулся Санёк. Данила неприятно чавкал над ухом, разжевывая бутерброд. – Че ты в столовку-то не сходишь? Обед же бесплатный.

– Не сейчас. Сперва бутер с чаечком. Все равно после трех опять проголодаюсь. Тогда и схожу, пообедаю нормально... Не-е, парусность у твоего агрегата все-таки большая. Ты на

какую скорость ветра его рассчитывал? Там бывают порывы больше пятидесяти пяти метров в секунду. Не сорвет с крыши твою каракатицу?

– Не сорвет.

– А если он, например, одной гусеницей на сугроб заедет, а его порывом ветра ударит в бок? Если перевернется, ты сам на крышу полезешь, чтобы его обратно на ножки поставить?

– Данил, ты прям достал уже своим пессимизмом!

– Как говорил товарищ Суворов, тяжело в учении, легко в гробу, – пробубнил удаляющийся Данила, дожевывая бутер и назидательно потрясая пальцем.

– Крошки из бороды вытряхнуть не забудь, Лев Толстой! – огрызнулся Санёк.

"Ну да, блин. Я для сорока метров в секунду считал вообще-то. А что если и правда будет порыв под шестьдесят? Ну-ка прибавим... Не падает, вроде. А если поднять повыше бульдозерный отвал?.. Вот же сволочь! И правда на бок завалился! Нагрузить бы его чем-нибудь потяжелее, и плевать тогда на все эти порывы. Жаль вес увеличивать нельзя. И так тяжесть немалая, когда он отвалом толкает перед собой целый сугроб снега. Особенно мокрого. И как же теперь? Расставить бульдозеру гусеницы пошире, для большей устойчивости? Ох сколько это будет возни с переделкой... А если просто снести нафиг кабину водителя? Кому она нужна, если водитель в принципе не планируется. Над гусеницами должны возвышаться только антенна и видеокамеры. И от-

вал надо взять поуже, с резиновой насадкой по низу, чтобы он ткань крыши не царапал. Надо бы еще прикинуть, сколько, по максимуму, будет весить тот снег, который мой Геркулес сможет толкать перед собой."

К моменту их прибытия в Светлогорск первое, внешнее кольцо Пятой башни было почти закончено. Сплошная стена без окон и дверей поднималась на двадцатиэтажную высоту, скрывая внутри всю происходящую грандиозную стройку. Через единственные ворота по пыльной дороге внутрь и наружу почти непрерывным потоком шли грузовики.

В целом Светлогорск представлял собой местами каменистое, местами покрытое невысокой травой побережье, на котором в некотором отдалении от строящейся, уже стояли чуть менее грандиозные, нарядно разукрашенные бочки Первой (она же Портовая), Второй и Третьей башен. Чуть вдали извергала в небо белый пар бочка Четвертой башни – здание местного горно-обогачительного комбината. Кроме башен и портовых сооружений в Светлогорске, практически, ничего не было. Все башни соединяла одноэтажная крытая галерея, видимо, чтобы спокойно ездить между зданиями даже в метель.

Если бы не крики кружащих сверху птиц и не множество цветов, раскрывшихся тут и там в чахлой травке, пейзаж Светлогорска выглядел бы совершенно инопланетно. Низко

стоящее над горизонтом и даже на ночь не садящееся, большое холодное солнце. Бескрайний синий океан, лижущий голые камни. Серого цвета скалы, постепенно переходящие в огромный, с ледовыми шапками хребет от горизонта до горизонта.

Санёк поежился и застегнул до самого верха молнию на куртке.

– Если тут такое лето, то какая же, блин, зима?

– Через пару месяцев увидишь, – буркнул Данила. – Ну, пошли вселяться. Пока наши апартаменты будут в Третьей башне, на восьмом этаже. Севтяжстрой почти весь этаж там под работников снял. Нам полагаются отдельные номера и кабинет для работы отдела. Работягам – комнаты типа общежития.

– То есть мы все время внутри этой башни теперь будем сидеть? – уточнил Санёк. – Мне просто не терпится живьем на нашу стройку века глянуть.

– Насмотришься еще. Сперва получи на складе каску и теплую рабочую одежду, а то в первый же день простудишься. В ветровочке-то, небось, холодно?

– Да уж, не май месяц... – недовольно пробурчал Санёк, засовывая руки в карманы, благо весь его багаж помещался в небольшом рюкзаке за спиной.

– Это точно, – усмехнулся в бороду Данила, кроме рюкзака тащивший еще и огромный чемодан на колесиках. – В мае тут в среднем минус пять. А сейчас, в середине лета, аж

целых плюс семь.

Утром следующего дня, как только схлынул поток спешащих на смену рабочих, Данила повел новичка смотреть стройку. Спустились на лифте до остановки, вместе с еще десятком припозднившихся уселись в автобус. Тот домчал их по галерее до Пятой башни, прогрохотал по железнодорожным шпалам и остановился, высаживая пассажиров.

– А зачем шпалы внутри дома? – удивился Санёк.

– Чтобы по ним спокойно перемещались строительные платформы... Привет, Людочка! – Данила помахал кому-то. – Добрый день, Константин Борисович! Да, снова в деле... Конечно! И вам не хворать!

Саня, открыв рот, смотрел на ближайшую к ним строительную платформу. Она походила на гибрид огромного железнодорожного вагона и трех башенных кранов. Точнее, самих-то кранов нет, а вот три башни, типа крановых, установлены на единой, стоящей на рельсах платформе. Они поднимались на двадцатиэтажную высоту, а на самом верху, над всей конструкцией висело нечто, напоминающее двухэтажные строительные леса.

– Живьем все это гораздо интереснее, чем на чертежах, да? – хохотнул Данила. Он достал сигарету и закурил. – Вот поставим крышу, и нельзя здесь будет курить. Опять, блин, бросать придется.

Тем временем сверху платформы с легким поскрипыванием стал спускаться лифт. Он двигался внутри стального каркаса центральной башни. Лифт остановился на уровне "первого этажа", в полуметре от земли. Симпатичная девушка в черном комбинезоне и оранжевой каске распахнула решетчатые двери и резво соскочила наземь.

Забибикал подъехавший электропогрузчик. Данила оттащил в сторону растерянно застывшего Санька.

– Балда, смотри по сторонам-то! Не создавай помех работе!

Погрузчик тут же подкатил к раскрытым дверям лифта и засунул внутрь поддон, нагруженный арматурой. Девушка ободряюще улыбнулась Сане, ловко вскочила внутрь, прямо на гору арматуры, закрыла створки дверей, и лифт, поскрипывая, пополз наверх.

– Сейчас дойдем до центрального стакана, поднимемся там на крышу. Я еще раз все нужные расстояния прямо из центра башни перемеряю. А потом можно и по территории прогуляться, – Данила поискал, куда бы выкинуть потухший бычок. – Совсем, блин, охренели! Сколько идем, и ни одной урны нет, – он тяжело вздохнул и сунул бычок обратно в сигаретную пачку. – На обратном пути, если хочешь, можно и наверх строительной платформы, на экскурсию. Сейчас здесь двенадцать таких платформ работает. Скорость монтажа стен получается потрясающая! Платформы идут одна за другой по кругу. Едва цемент схватится, сразу идет следующую.

щая платформа и наращивает новый уровень... Здравствуйте, Виолетта Михайловна! Вы все хорошеете!.. Да, конечно! И вам всего!.. Знаешь, если уж сегодня лезть на платформу, так на ту, на которую ты засматривался. Обратил внимание, что там на сгруженной арматуре приварены специальные крепежные кольца? Они будут использоваться для монтажа наших фуллереновых тросов.

"Какие крепежные кольца?" – Саня тряхнул головой. Он только на фигуристую девушку из лифта, которая ему улыбнулась, обратил внимание. И на то, что его погрузчик чуть не переехал.

Они уже прошли почти полпути к "центральному стakanу" – возвышавшейся посреди стройки двадцатиэтажной конструкции из перекрытий и столбов – когда их догнал электрокар. За рулем сидела стройная белокурая женщина в ярко-алом комбинезоне и каске. В касках здесь ходили все.

– Данила-мастер? – окликнула она звонким насмешливым голосом.

– Яна Романовна?! – разулыбался бородач. – Как же я рад вас видеть!

– А уж я-то как рада. Значит, будет у нас в срок крыша? А то прошел слух, что вы нас всем отделом бросили.

– Ну что вы, Яна Романовна! Это только Гриневский сдулся. Теперь Степан Иванович вместо него. Да не волнуйтесь, справимся. Вот, нам и нового сотрудника Семен Семеныч подобрал, – Данила покровительственно похлопал Санька по

спине.

– Вот как? – Директор по строительству по-мальчишески бодро соскочила с кара и протянула юноше руку. Доброжелательно улыбнулась. – Ну, давайте знакомится.

– Птицын Александр Сергеевич. – Санёк пожал протянутую руку, про себя удивляясь, как такой огромной стройкой может руководить эта невысокая, худенькая женщина с такой обаятельной улыбкой.

– Винкель Яна Романовна. – Она изучала его не менее внимательно.

– Я вообще-то не столько по крышам, – смущенно проворчал юноша, – я по роботам специалист. Буду роботизировать обслуживание крыши.

– Вот так? – она удивленно приподняла одну бровь, словно прислушиваясь к этой идее. – Ну хорошо. Вы в ЦС добываетесь? – Данила кивнул. – Тогда садитесь в кар, я вас подброшу.

Вид с крыши ЦС Санька, мягко говоря, ошаршил. Одно дело, читать про здание с диаметром в полтора километра и совсем другое – видеть все это живьем, находясь прямо в центре еще не возведенной, но уже обозначившей свои границы конструкции.

– А они точно смогут все это закончить?

– Лет за пять осият. Если повезет, то чуть быстрее, –

буркнул Данила, настраивая свой лазерный теодолит. – Меня тоже пугают эти размеры. Как крыша будет держать такую площадь? Вот умом понимаю, что должна, что все сто раз считано и пересчитано, что фуллерен – это прочнейший материал, из которого даже космический лифт собираются строить... И все равно оторопь берет. Ведь все это поле зимой будет в снегу. Вот отсюда и до самой внешней стены все может за пару часов завалить толстым слоем мокрого снега. Да еще порывы ветра сверху будут лупить, как кулаком, понимаешь? Вроде, частая сетка... Компрессоры для поддержки крыши выбрал помощней, понадежнее, Заслоновские. На самых длинных матах поставим по компрессору с каждого торца, чтобы, если один вдруг вырубится, другой продолжал качать. – Данила опять закурил. Жадно затянулся. Выпустил по ветру дым. – Нет, все равно... Смотрю, и мороз по коже. Вдруг мы еще чего-то не учли? Если такая тяжесть на людей внизу рухнет...

– Не рухнет, – Санёк решительно рубанул рукой. – Следующим транспортом четыре моих бульдозера должны привезти. Легких, почти полностью из пластика и композита. Жохов говорит, что оплатил их уже... В четыре бульдозера такую площадку, да еще и ровную, без препятствий, за пару часов можно от снега почистить. Переделаю их немного и вперед. Будут пахать, как миленькие. У меня дипломный проект был – снегоборщик, разгребающий сугробы в условиях города, с припаркованными черт-те как и засыпанными сне-

гом авто. А тут... Главное, с самого начала все нормально отладить. Мы будем спокойно спать, а роботы – наяривать, хоть в метель, хоть в мороз, хоть круглые сутки!

– А если у них в мороз аккумуляторы разрядятся?

– С чего бы? У всех четырех сразу?

– С того, – буркнул Данила, – что у аккумуляторов есть такое свойство – их емкость резко падает в мороз. Или твои тарантасы будут не на электричестве работать?

– Какое, к лешему, электричество? – возмутился Санёк. – На дизеле, конечно. Как и любая нормальная снегоуборочная техника. Это у вас там, в тепле, под куполом можно копеечку экономить и все на электричество переводить. А наверху, в мороз и снег... Мы же не в Англии. Экотеррористов у нас, вроде, нет. И топливо свое. А пока дизель работает, аккумулятор не сдохнет, даже в лютый мороз. Все время от мотора подзаряжаться будет.

Измерив с вершины ЦС все, что только возможно, своим теодолитом, Данила заспешил в кабинет, на доклад к Иванычу, а Саня решил глянуть еще раз на строительную платформу.

Остановившись у подножия этой огромной, поставленной на рельсы конструкции, он постоял пару минут. Рабочие копошились на самом верху. Вниз не долетал даже звук их разговоров. Санька никто не замечал.

"И что мне тут, год теперь лифта дожидаться?"

– Эй! Эге-гей! – закричал он и стал размахивать руками, пытаясь привлечь внимание работяг.

– Ты че хотел-то? – поинтересовался у него проезжавший мимо на электрокаре мужичок.

– Туда хочу, – пояснил Саня, указывая наверх. – А они не слышат. И лифт все не приходит.

– Да? – работяга, рябой, чуть сутулый, с бейджем электрика на рукаве, скептически скривился, оглядев его с головы до ног. – А у тебя есть допуск до высотных работ, чтобы на самую верхотуру забираться?

– Вот, смотри, – Санёк обиженно ткнул пальцем в свой бейдж, свеженький, с синей, инженерской формой допуска, только вчера оформленный в местной службе безопасности.

– Новенький из ИТР-ов? Ну-ну... – работяга понимающе улыбнулся. – Ты, смотри, наверху поосторожней. И не отвлекай людей зря своими расспросами. Чай не в музее. Вон там, в правой башне платформы есть пассажирский лифт. Видишь? Чтобы его вызвать, жми на красную кнопку.

Выйдя из лифта Санёк на секунду замер, ухватившись за стойку. Пола под ногами не было. То есть был решетчатый настил из какого-то светлого металла, но сквозь него все внизу было видно. Аж дух захватывало. А работяги спокойно ходили туда-сюда. С шутками-прибаутками откручивали от бетонной стены большие металлические листы съёмной опа-

лубки, поднимали их повыше и снова прикручивали, окружая переплетение торчащей из бетона арматуры.

Санёк, чуть привыкнув к высоте, осторожно зашагал по довольно широкому настилу, огороженному снаружи поручнями, стараясь никого не задеть.

– У вас какой-то вопрос, уважаемый? – спросил подошедший рыжебородый здоровяк. Похоже, бригадир.

– Да я... – Санёк замялся, но потом решил сказать честно, как есть. – Я просто первый день на стройке. Вот, решил лично ознакомиться, как тут что. Но вопросов пока нет. Вы занимайтесь своими делами. Не хочу никого отвлекать.

– Не хочешь, а все равно отвлекаешь, – проворчал рыжебородый, на бейдже которого было написано "Проторин Сергей Николаевич. Старш. МБ 23". – Раз уж пришел, иди вон, с арматурщицами что ли поболтай, – махнул он наверх, на второй ярус, откуда, и правда, порой доносилась болтовня и радостный девичий смех. – Они все равно, пока поперешины фиксируют, в пустую языками чешут.

И бригадир двинулся дальше по своим делам, не дожидаясь ответа.

Санёк, честно, сперва собирался туда, на второй ярус, но не нашел лестницы, по которой можно было бы подняться. Зато заметил впереди ту самую девушку, заглядевшись на которую с утра, он чуть не попал под погрузчик. Девушка стояла одна перед смонтированной решеткой арматуры, внимательно оглядывала конструкцию, порой трогала и пыта-

лась пошевелить прутки. Иногда она озабоченно качала головой и, подхватив плоскогубцами торчащие концы вязальной проволоки, слегка подкручивала их.

Спокойное, сосредоточенное лицо. Черный рабочий комбинезон только подчеркивал ладную фигуру. Из-под каски на щеку выбилась прядь рыжих волос. Милое личико обсыпано редкими веснушками...

Сверху снова раздался хохот. Девушка нахмурилась и крикнула в направлении хохотушки:

– Леська! Влюбилась ты там что ли, что узелочки опять не дотягиваешь? Сколько мне за тобой подкручивать?

И хотя она, кажется, кого-то там, наверху, поругала за нерадивость, этот голос, грудной, с легкой хрипотцой, заставил Санька радостно улыбнуться и подшагнуть к ней поближе.

Заметила. Удивленно нахмурившись, глянула на его лицо, потом на бейджик.

– Я вас отвлекаю, да? – смущенно спросил он.

– Типа того, – ответила она, тем не менее приветливо улыбнувшись. – Вы впервые на стройке, да?

– Ага. – "Какая же она милая... Мечта поэта!" – А чем вы сейчас занимаетесь?

– Вяжу арматуру. Точнее, проверяю и поправляю за этими, – она чуть дернула плоскогубцами вверх.

– А потом?

– Потом к ним пойду проверять.

– А потом? – не отставал Санёк.

– Как все доделаем, ребята опалубку поставят. А потом можно и бетон заливать.

– Ну а потом, после смены, вы чем занимаетесь? Я просто... Я в кино хотел вас пригласить, или в кафе какое-нибудь. Только я тут первый день, и не знаю, какие здесь есть заведения, куда приятно сходить.

– Да нет у нас никаких заведений, – вздохнула она. – Живем как в лесу.

– Да? – сердце у Сани от огорчения прямо в живот упало. – А я так хотел угостить вас кофеечком с какой-нибудь пироженкой. Поговорить о том, о сем, ни от чего не отвлекающая... Меня Саша зовут. Птицын. Александр Сергеевич. Инженер по роботам.

– А я Маша Самойлова, старшая арматурщица. – Она окинула его взглядом с головы до ног. – Здесь и правда, некуда сходить. Но ты приходи, если хочешь, в столовку на восьмом этаже Третьей башни. Сегодня там наши собираются после десяти. Кофе и тортик можешь с собой прихватить. Только там много народа будет, со всей компанией придется делиться.

– Ага, конечно, – Саня кивнул и коснулся ее плеча. – Спасибо, я приду. Обязательно.

Он так и стоял бы рядом с ней хоть целый час, улыбаясь, но тут запиликал комм. Данила прислал СМС-ку: "Где мотаешься? Тут нам столы привезли. Гоу их собирать".

Севтяжстроевская столовая, как и весь восьмой этаж, представляла собой довольно дикое место. Линолеум, брошенный на пол просто так, без плитусов. Какие-то провода и тройники, валяющиеся и висящие повсюду. Бетонные стены, местами заклеенные плакатами или разрисованные самопальными граффити типа улыбающегося солнышка или какой-нибудь анимешной няшки. Тут же, рядом, готическим шрифтом подпись "Гномы Торина". Над ней старинная афиша "Metallica forever", дальше какое-то "НПЗМШ №2", "Здесь были Вован и Ку", "Посторонним В." и тому подобное. В целом все это почему-то создавало удивительно ламповую атмосферу то ли дурдома на выезде, то ли самодеятельного фестиваля любителей молодежной субкультуры.

На завтрак в столовой была греча с сосисками, на обед – грибной суп и печеная рыба с картофельным пюре, а на ужин Санёк не попал. Сперва они, всем отделом, героически преодолевали разборные столы, костеря на чем свет заказавшего их Жохова. Потом расставляли рабочие компы и монтировали настенные ЖК-экраны. Пока молодежь боролась с проводкой и оборудованием, Иваныч притащил в кабинет электрочайник, кофе, печенюшки и устроил пятиминутное совещание, как-то незаметно превратившееся в очередной мозговой штурм. Так что ужин они успешно прозевали, пытаясь понять, что и как делать в первую очередь, а

что в двадцать пятую. Из кабинета Санёк вывалился с опухшей головой, икая от печенок. Только простившись с Данилой и зайдя в свой личный, пустой гостиничный номер, парень вспомнил о назначенном с утра свидании.

Глянул на часы на комме и охнул – двенадцатый час! Какие там "тортик и кофе"?! Где их тут, нафиг, взять? Хорошо хоть в рюкзачке оставалась початая бутылка с хорошим, купленным еще в Питере коньяком. Выпили-то всего по полстопочки с попутчиками в поезде. И слава богу. Остальное теперь пригодится, если он, конечно, не опоздал.

Почти бегом рванул к столовой. Дернул дверь – закрыто. Но изнутри доносился какой-то шум, даже, кажется, пение. "Значит, не разошлись еще," – выдохнул Санёк. Постучал тихонько. Потом настойчивей. Пение стихло. Из-за двери донесся недовольный гомон множества голосов. Чувствуя, что краснеет от неловкости, он опять постучал.

– Да кто там ломится? Гро, глянь.

Через секунду дверь отворилась. На Санька уставился здоровенный лоб в камуфле, с трехдневной щетиной на квадратном подбородке:

– Че надо, блин?

– Да я, блин, к вам, – пробормотал Санёк, нащупывая за пазухой бутылку.

– А че я тя не знаю? Тут, блин, частная вечеринка.

– Да я... Пригласили меня. Маша Самойлова. Вот, – он предъявил коньячную бутылку словно пропуск.

– Ща уточним, – буркнул Гро. Взял бутылку и захлопнул дверь у Санька перед носом.

Из-за двери донеслась разноголосица:

– Молли, ты седня приглашала кого-то?

– Это, наверное, твой Пушкин с тортиком, да?

– Ух ты! Тортик-то ниче так...

Дверь открыл все тот же Гро.

– Ну, заходи к нашему костру.

Санёк нырнул внутрь и слегка обалдел от увиденного. В одном из углов столовой столы были раздвинуты в стороны. Посреди пола, прямо на линолеуме и правда горел костер, точнее, электрокамин с большим ЖК-экраном, на котором билось и даже слегка потрескивало пламя костра. Вокруг на столовских скамеечках уютно устроились парни и девчата. Свет был приглушен почти до нуля, так что самих сидящих и все остальное помещение освещали только отблески виртуального пламени. Кто-то встал со скамейки и помахал Сانه рукой.

"Маша!" – Он помахал в ответ и направился к ней, стараясь не наступить никому на ноги. Впрочем, не только на ноги. Некоторые не сидели на скамейках, а лежали прямо на полу, поближе к "костру".

Сидевшие рядом подвинулись и он уселся бок о бок с Машей. Тут же воспользовался этим, чтобы приобнять ее за плечи.

– Я уж думала, ты не придешь.

– Прости, на работе застрял. А у вас тут ниче так. Уютненько.

Сидящий на скамейке напротив рыжебородый бригадир тем временем взял гитару и привычным движением стал перебирать струны.

– Торин, а давай Варяга? Споешь?

– Правда, пива уже нет, но есть "тортик".

Бригадир, которого тут почему-то называли Торин, взял бутылку, отхлебнул из горла. Чуть поморщился, но потом расплылся в довольной улыбке:

– Хороший "тортик". Прямо, Наполеон. Снейк, Яша, у нас есть еще горячий чай? Давайте этот нектар туда, чтобы на всех хватило.

Бутылка исчезла в темноте, а через некоторое время по кругу пошла большая кружка. Торин ударил по струнам и энергично запел чуть хрипловатым баритоном:

Ждет добыча в далеком краю,

Крови железо ждет.

Конунг кличет дружину свою

Снова идти в поход.

Эй, варяг, отправляясь в путь,

В кружку пивка налей.

Видно тебе суждено тонуть

В водах семи морей.

(*здесь и далее стихи автора)

Сидящие вокруг дружно подхватили:

– *Видно тебе суждено тонуть в водах семи морей!*

Маша тоже тихонько подпевала, во все глаза глядя на гитариста. Кто-то передал Саньку горячую кружку. Сладкий чай с коньяком оказался вкусней, чем просто коньяк. Приятное тепло разлилось по желудку. Маша тоже чуть-чуть отхлебнула, и передала кружку дальше. Прижалась щекой к его плечу. Саня приобнял ее крепче. Вдохнул аромат рыжих волос.

*Смелых и в бурю спасает Тор,
Трусам пощады нет.
Крови напьется теперь топор
В сытой чужой стране.*

*Эй, варяг, заливай-ка в рот
Ковш хмельного вина.
Если вода тебя не убьет,
Значит убьет война.*

Ребята подхватили, тут и там похихикивая:

– *Если война тебя не убьет, значит убьет жена!*

Песня все лилась, и Санёк уже не мог понять, то ли он

в обшарпанной столовой на краю земли, то ли в лесу, на каком-нибудь историческом фестивале или на туристической стоянке.

– Почему вы своего бригадира Торином называете?

– Так он похож, – улыбнулась Маша. – Да и фамилия со-
звучная.

Санёк молча кивнул, любуясь ее лицом, губами, блеском
глаз.

– Я тут на стене прочел "Гномы Торина". Это про вас что
ли?

– Угу, это наша бригада. Кто-то обозвал и прилепилось.
По моему, здорово, а?

– Точно. А меня что, Пушкиным окрестили? Почему, ин-
тересно?

– Ты извини, Саш. Я просто фамилию твою забыла. Пом-
ню, что на Пе, что Александр Сергеевич и весь такой роман-
тический. А Леська говорит: "Значит Пушкин". Ну, и поехало,
Пушкин, Пушкин... Тебя напрягает, да?

– А, ладно, – Санёк улыбнулся снисходительно, а внутрен-
не даже как-то плечи расправил, – пускай.

Тем временем Торин пел уже другую песню:

...Шагать, шагать вперед, не видя света.

И день и ночь лишь тьма со всех сторон.

От тех, кем послан был, он ждал ответа,

Но отвечал ему лишь Саурон.

– Вы тут ролевики все что ли? – удивился Санёк.

– Ну, пол-бригады точно. А что?

Он говорил, что нет нигде покоя.

Который год идет борьба за власть.

А ты идешь, борясь с самим собою.

Надень Кольцо – не дай себе пропасть.

– Просто удивительно встретить здесь, на краю земли таких людей.

– Тут всякие встречаются, – ответила Маша, задумчиво глядя на огонь.

Ты шел по пепелищам и болотам,

Чтоб на себя принять огонь и Тьму.

Надень Кольцо, ты это заработал.

Надень. Чего ты медлишь, не пойму?

"Кто-то приехал сюда просто денег заработать. Кто-то, типа меня, ухватился за возможность применить свои специфические, оказавшиеся не очень-то нужными там, на большой земле, способности и умения. Но есть, получается, и в самом деле романтики. Интересно, кем они себя ощущают? Гномами, идущими в дальнюю страну сражаться с драконом? Отрядом взявшихся за невыполнимую миссию Хра-

нителей? Мальчики и девочки, даже взрослые, бородатые мужики, мечтающие о несбыточном? Или просто создающие сказку, творящие что-то невероятное своим ежедневным упорным трудом."

*Поверь, когда Кольцо ты бросишь в пламя,
То весь Мордор погибнет от огня.
И ты в огне погибнешь вместе с нами.
Надень Кольцо, послушайся меня.*

– А ты в этой компании, наверное, Галадриэль. Или Лютиэнь?

Маша подняла брови, явно удивившись его познаниям в эльфийских именах, но потом лишь отмахнулась:

– Какое там... Я и на обычную-то эльфийку характером не тяну. Я, скорее, хоббит. Еще и веснушки эти...

– А что веснушки? По моему, это самые лучшие веснушки в мире, – он нежно погладил ее волосы и чмокнул в щеку.

– Правда? – она недоверчиво глянула на него, чуть отстранившись. Потом улыбнулась. Прижалась к нему всем телом, приобняв. Сердце от радости чуть не выскочило у Санька из груди.

– Правда-правда, – прошептал он. – Ты вообще самая настоящая во всем этом заколдованном лесу.

Потом они целовались. Он усадил ее себе на колени. Была еще какая-то песня. А потом все кончилось. В столовке

включили свет, выключили костер.

– Давайте-ка по койкам, камрады. И так засиделись. Второй час уже, а завтра опять в первую смену.

Народ стал разбредаться.

– Молли, ты идешь? – окликнули Машу.

– Да, сейчас. Я догоню, – отмахнулась она.

– Молли?

– А че такого? Тебе не нравится?

– Отчего же? Нравится. Мне все-все нравится, – прошептал он, не сводя с нее глаз. – Может, пойдем ко мне? У меня же здесь отдельный номер... С душем.

– Заманчиво, но... давай завтра? – она поцеловав его в губы, отстранилась и побежала догонять своих подружек.

А Санёк еще минут пять стоял, ошалело улыбаясь и глядя на поворот коридора, за которым скрылась его Молли.

Улыбка не сходила с лица Санька с самого утра. Маша этой ночью осталась с ним в номере. А скоро, дня через три у него уже будет свой вагончик внутри Пятой башни. Это ведь почти собственный дом! Регулярные вечерние посиделки в компании "гномов" были, конечно, делом увлекательным, но делить любимую с ее бригадой, в которой она и так проводила каждую смену, ему хотелось все меньше. Хотелось забрать ее в охапку и утащить куда-нибудь в отдаленную комфортабельную пещеру, на неделю, а то и на месяц... Если

бы не эта чертова крыша, он так бы и сделал. С другой стороны, если бы не стройка, они бы никогда не встретились. И вообще, жизнь прекрасна. Даже на этом диком, холодном острове она теперь кипит и переливается через край.

– Сань! Смотри не свались! Что-то ты в последнее время совсем рассеянный! – окликнул его Данила.

– Как я свалюсь? Я же пристегнут! – крикнул Санёк.

Он и правда был одет в специальный страховочный пояс и пристегнут карабином к кольцу на стене. Из монолитной бетонной стены парапета через каждые тридцать сантиметров торчали круглые стальные кольца, изготовленные зацело с арматурой, вмонтированной в несущую стену. К каждому пятому кольцу специальным талрепом крепился тонкий фуллереновый трос, уходящий в даль, к другой стороне крыши. Монтажники споро перемещались по внешней стене, цепляли к кольцам новые тросы и натягивали их один за другим.

Внешняя стена башни имела ширину пятьдесят сантиметров, плюс еще слой утеплителя снаружи. Десять сантиметров бетонной стены приходились на парапет, а остальные сорок были уступом, по которому ходилось бы вполне комфортно, если бы не пугающие двадцать этажей пустоты внизу. Данила и Санёк, только что заехавшие на стену по внешнему, грузовому лифту, тут же поспешили прицепить себя страховочными карабинами. Сейчас они как бы контролировали работу монтажников, хотя, на самом деле, бессовестно

пользовались случаем в рабочее время поглазеть на то, как не покладая рук пахнут другие.

– Видишь, они начали от самого центра и движутся в обе стороны, – пояснял Данила. – Каждый следующий трос будет чуть короче предыдущего. Потом начнут натягивать поперечные тросы, заодно переплетая их с продольными, как циновку. Как натянут все более-менее ровно, подкрутят резьбу на талрепах, увеличивая натяжение тросов, чтобы не провисали. Но, как ни натягивай, все равно небольшой провис останется. Чтобы в местах провисания не образовалось луж, надо устроить хотя бы минимальный уклон от центра наружу. Для этого над двадцатым этажом ЦС мы уже смонтировали центральную опору. Она приподнимет середину крыши еще на восемь метров над общим уровнем. Для полуторакилометрового диаметра уклон крайне маленький. Но даже его, по моим расчетам, должно хватить. Двадцать четыре троса, более мощных, чем вот эти, будут подложены под нашей сплетенной циновкой и приподнимут на восемь метров весь центр крыши. Натяжение тросов, конечно, придется опять подгонять, подкручивая талрепы. Мы сперва уложим крышу, надуем ее, а потом я сверху, с дрона, стану мониторить, все ли правильно легло, не провисает ли где... Але! ты меня вообще слушаешь?

Санёк утвердительно закивал. Он, правда, слушал в пол-уха, потому что слышал все это уже несколько раз. Сейчас он искал внутри кольца строящейся башни оранжево-си-

ную платформу. Ту, на которой работала Машина бригада. Внешняя стена была полностью закончена, и теперь платформы ходили по чуть меньшему кругу, возводя следующую несущую стену, такую же кольцевую, в двадцати метрах от внешней. Следующие стены строились одновременно с перекрытиями. Каждая новая, пристроенная к внешнему кольцу стена создавала новый ряд помещений. Так башня росла внутрь, одно кольцо за другим. А навстречу сжимающемуся кольцу должен вырасти из центра такой же двадцатиэтажный небоскреб центрального стакана. Однажды они встретятся, и тогда каркас башни окажется полностью достроен. Всю башню закроют монолитной бетонной крышей, а поверх нее – водонепроницаемыми панелями с утеплителем внутри. Тогда можно будет с чистой совестью снять надувную крышу и пустить Геркулесов чистить снег с твердой поверхности. Только придется придумать, как перекидывать снег через бетонный парапет.

Но пока парапет был всего лишь основой для крепления тросов и перилами, с одной стороны которых был внешний мир, а с другой – огромная яма, в которой копошились строители. Платформы теперь продвигались немного медленнее, чем раньше. Бригада "гномов" как и прежде монтировала стену. А параллельно с ней, в пространстве между внешней стеной и стеной возводимой работала потолочная бригада, ставящая арматуру и опалубку для перекрытия, то есть для потолка предыдущего этажа, который одновременно был по-

лом этажа следующего. Монтаж опалубки для стены и перекрытия заканчивался одновременно. Потом все это заливалось бетоном. После заливки обе бригады перемещались на длину платформы по часовой стрелке и точно также строили новый участок.

После того, как бетон схватывался, со стеной могла работать следующая платформа. Она проходила без сопровождения потолочной бригады, так как возводила вторую половину этажа. Но вот следующая после нее, возводящая первую половину этажа, опять должна была идти в сопровождении потолочников. Получалось, что одновременно с двенадцатью платформами на строительстве работали шесть потолочных бригад. Потолочники были привезены в Светлогорск совсем недавно. Теперь в Пятой башне трудилось, наверное, около трех тысяч человек. Общаги были переполнены. Номера для ИТР-овцев тоже, по возможности, уплотнялись. Внутри самой Пятой спешно ставились жилые вагончики, переделанные из грузовых контейнеров.

Скоро и Санёк переедет в свой собственный утепленный контейнер с единственным окошком и подведенным электричеством. Без душа. С биотуалетом вместо нормальной канализации. Но, какого черта? Временные неудобства стоят того, что он делает! К тому же мастерская для монтажа и ремонта роботов будет от него всего в дух шагах. Святослав Игоревич, шеф и хозяин всей этой стройки, обещал выделить ему в помощь ремонтников для обслуживания роботов.

Привезенные Жоховым бульдозеры уже ждали момента, когда он за них возьмется всерьез. А милый старичок Степан Иванович и занудный пессимист Данила... Формально Санёк, конечно, оставался работником в "крышевом" отделе, но, с переездом в собственный вагончик, он перейдет, фактически, в самостоятельное плавание. Не сидеть больше целыми днями в одной тесной комнате. Общаться больше по сети, чем лично. И главное... Только бы Молли согласилась переехать к нему в вагончик. Да хотя бы ночевать там с ним каждый день...

– Так, отстегивайся давай. – Данила хлопнул Санька по плечу. – Поехали вниз работать. Обсуждать с тобой что-то здесь, на крыше, совершенно бесполезно. Только киваешь и улыбаешься, а сам ни черта не слушаешь.

Первый снег выпал до того, как они успели натянуть и надуть крышу. Правда, было его немного и он почти сразу растаял, но вот эти сугробы на провисшей ткани у них над головами, на высоте двадцати этажей...

Санёк лихорадочно орудовал то гаечным ключом, то болгаркой. Потом кидался что-то проверять и править в РобоКаде. Все сроки полетели кувырком. Зима, похоже, решила свалиться на них на месяц раньше. Говорят, такое случилось на Новой Земле и прежде, но почему, блин, именно с ними, именно сейчас?!

Обстоятельный, спокойный как слон ремонтник, Миха Рогачев, приданный к Саньку в качестве подсобной рабочей силы, хоть и выполнял исправно все, что велено, порой бесил страшно. Молли приходила лишь изредка. Да у него и не осталось на нее времени. Работая с утра до ночи, переключаясь от совещаний с Иванычем и Данилой к своим собственным разработкам, к поискам и консультациям в инете, к попыткам наладить и предусмотреть все возможные варианты поведения своих снегоуборщиков, Санёк выбивался из сил. Утешало, что Иваныч и Данила задолбались еще больше.

Слава богу, через пару дней снег стаял. Ткань крыши была постепенно расправлена и надута над всем пространством внутри полуторакилометровой "бочки" Пятой башни. Санёк помогал этому процессу, манипулируя своим "канатным инспектором" – роботом, собранным наспех, наплевав на любые предыдущие проекты и расчеты, из разного подручного хлама. Два его манипулятора – "кривой" и "ржавый", в смысле, левый и правый и четыре видеокамеры позволили крышестроителям сэкономить массу сил и нервов при монтаже. То ткань не так подгибалась, то крепление одного мата к другому происходило с какими-то сложностями. А канатный робот выручал, ох как выручал, подбираясь снизу, по натянутым тросам к проблемному месту и дергая, вытягивая, расправляя все, что там почему-то перекашивалось или застревало в ходе установки и фиксации к тросам тканевых матов.

Проблемой оказалось то, что никто кроме Санька не понимал, как его канатным чудом управлять. А на Саньке ведь висела еще срочная работа по доведению до ума снегоуборщиков.

В конце концов Яна Романовна, видя, как он разрывается между задачами, сжалилась и прислала некую Танечку, чтобы он ее обучил управлять канатным четырехглазиком. Будь Санёк в тот момент менее замордован происходящим он бы, пожалуй, не справился с обучением Танечки. Девчонка оказалась с претензиями. Но он так устал, что в какой-то момент сорвался, стал орать и объяснять все матом. Танечка сперва раскричалась, побежала жаловаться Романовне. Санёк аж весь внутренне съежился, представляя, что за скандал теперь будет. Но скандала не случилось. Вернувшись от Яны, Танечка проревелась, успокоилась и снова взялась за дело. Уже без закидонов, обращаясь к Саньку исключительно по имени отчеству. Через сутки она, на удивление, наловчилась орудовать "кривым" и "ржавым", не хуже Санька и почти перестала отвлекать его от более важной работы.

Когда крыша была полностью установлена и надута, Санёк, впервые за неделю, нормально выспался. А потом зарядил порывистый ветер. Даже снизу было видно, что крыша заметно пошевеливается. Порой она хлопала, как парус в шторм. Наверху что-то гудело, потрескивало и выло. Монтажники лихорадочно подкручивали талрепы, поддомкрачи-

вали то вверх, то вниз центральную опору. Пару матов все-таки пришлось снимать и перешивать, чтобы установить их нормально, без зазоров между стеной и крышей.

Данила рвал и метал:

– Я месяц решал дифуры, рассчитывал кривизну крыши в объеме, учитывал степень растяжения тросов и ткани, а эти рукожопы при выкройке просто ошиблись на полметра! На полметра! Уму не постижимо! Нахрена тогда вообще нужны математика и инженерное дело? Давайте, блин, прямо сюда завезем швейный цех, будем прикладывать и подшивать каждый мат прямо по месту! Посадим этих дур на крышу, и пусть орудуют прямо на ветру, вручную, иголками, как, блин, в Средние Века!

Однако, в конце концов, все наладилось. Щели между крышей и стеной были уничтожены как класс. Раздутая компрессорами ткань на стыках с внешней стеной плотно обхватила парапет и возвышалась теперь над его уровнем сантиметров на десять. Когда на гладкую, с почти незаметным уклоном, крышу выпал первый серьезный снег, настал звездный час Геркулесов – так Санёк окрестил своих роботов-снегоуборщиков. Два из них были, один за другим, подняты на внешнем лифте на крышу, и запущены "пасться" на просторе. Еще два находились пока в доработке. Их доклепывал Миха, а Санёк, сидя за монитором в своем контейнерном домике, рулил одним из Геркулесов, обучая его AI снегоуборочной работе и, по ходу, сам обучаясь работе бульдозери-

ста.

Оказалось, что главная проблема – не уронить Геркулеса вниз. Робот легко сгребал своим пластиковым отвалом снег с натянутой, как струна, ткани и толкал его перед собой. Но никаких флажков, заборов и иных обозначений того, что "сейчас будет обрыв" по краям крыши не было. Санёк раз за разом не доводил Геркулеса до бездны, оставляя собранный снег горой лежать в метре-другом от края крыши. Спутниковая навигация, на которую он понадеялся, достаточной точности не давала. Саньку удавалось понять, что до края еще надо чуть-чуть дожать, только потому, что одновременно с ним, глядящим на процесс снегоуборки с камер Геркулеса, на этот же процесс смотрел Данила, с камер висящего сверху квадрикоптера.

Но ведь все время полагаться на камеры квадриков нельзя. В метель или просто в сильный ветер, когда работа Геркулеса будет особенно нужна, квадрик запустить не получится. Его просто залепит снегом и сдует прочь!

– Знаешь что, – пробурчал в конце концов Данила из динамика. – Надо установить на крыше какую-нибудь радиолокационную станцию. Подешевле, да понадежнее. Тут у местных пограничников на базе валяется парочка СВОД-ов. Это вертолетные РЛС-ки. Леталки уже выработали свой ресурс и списаны, а РЛС-ки на них еще ого-го. Им ни пурга, ни ночь не помеха. Поехали к погранцам прямо сейчас. Если повезет, то за ящик коньяка мы обе станции у них выкупим.

– А зачем нам обе? И одной достаточно.

– У них обзор сто восемьдесят градусов. Если ставить на самой макушке крыши, то две надо ставить. А лучше поставим их на наружной стене, чтобы с разных сторон глядели на крышу. Тогда возвышение в центре крыши не создаст им слепой зоны, а, главное, система будет видеть происходящее как бы двумя глазами.

Снаружи мело третий день. Заморозки сменились потеплением и все более густыми осадками. Санёк все время прислушивался к крыше. Каждый час, каждую минуту, в фоновом режиме, уже не отдавая себе в этом отчета. Он столько времени смотрел на нее – и снизу, своими глазами, и через десятки различных датчиков, и через камеры дронов, локаторов. Он, кажется, даже ощущал ее через гусеницы и манипуляторы своих роботов. Он привык все время держать ее в голове, воспринимать, чувствовать, как огромное живое существо. Сегодня был плохой день. Крыша гудела и вздрагивала от порывов ветра иначе, чем раньше.

– Ох, Пушкин, что-то мне боязно. Она, правда-правда, не порвется?

– Не должна, – ответил Санёк, чуть менее уверенно, чем ему самому бы хотелось.

Маша заскочила к нему на огонек перед ночной сменой. Она грустно улыбалась. Пила какао. Изредка надкусы-

вала пряник. Болтала о ребятах из их бригады, о прошлой жизни на материке, обо всем на свете, кроме самого главного. Он любовался на нее, лишь изредка вставляя слово-другое. Наконец, решился:

– Солнце, ну когда ты ко мне переедешь-то? Я ведь тебя вижу все реже. Сижу тут один целыми днями, как медведь в берлоге.

– Вижу я, как ты "один", – она хитро прищурилась. – Все время к тебе кто-то заскакивает "на минуточку". То эта Танечка, то Яна Романовна, то еще бог знает кто. А уж звонки... Даже полчаса посидеть со мной спокойно не можешь. А ведь рабочий день у вас уже кончился.

– У меня нет, – Санёк бросил взгляд на мониторы, установленные вдоль стены. На одних был вид с камер трех выведенных на крышу Геркулесов. На других – картинка, даваемая двумя локаторами, прогноз погоды, показатели интенсивности работы поддувающих крышу компрессоров, натяжение тросов. – Вот как станет понятно что с крышей все в порядке, так я и расслаблюсь. Перейду в спокойный режим. Пока, прости, не получается.

– То есть, с крышей что-то не в порядке, да?

– Не знаю, – он устало вздохнул. – Молли, если бы я знал, что именно идет не так, я бы уже побежал это исправлять. У тебя-то как дела? Правда все нормально? Мне кажется, ты от меня все больше отдаляешься.

– Ну что ты, я...

Он, придвинувшись, поцеловал ее. Обняв за плечи и подхватив под коленками, поднял со стула и быстро перетащил на кровать.

– Ох, Сашка...

Закрыв ей рот жарким поцелуем. Стал торопливо расстегивать блузку. Она, парой ловких движений скинула с себя джинсы. Обхватив ногами, повалила его на кровать...

Звонок комма. Долгий. Настойчивый. Одна секунда, другая....

– Ну нет, я так не могу... Прости, солнышко, – вскочив, кинулся к столу и схватил комм:

– Что?!.. Твою ж мать, Данила! Ну и чё?.. На тридцать пять больше допустимого?.. И что я теперь могу сделать? Все три Геркулеса пашут, как заведенные. Ну хочешь, переброшу сейчас один с восточного сектора на южный?.. Нет, четвертый будет готов только завтра. Или послезавтра... А если я его запущу недоделанным, и он там прямо сейчас, в пургу, сломается? Ты его полезешь чинить? Все, Данил, хватит нудеть. Сил больше нет. Отбой! – в сердцах бросив комм на стол он обернулся.

Маша, уже снова одетая, чмокнула его в щеку:

– Все. Я на смену. Не злись, пожалуйста, – она нежно провела рукой по его волосам. – Все наладится.

Вышла, аккуратно прикрыв дверь.

Саньку захотелось взвыть от тоски, проломить стенку ударом кулака. Он упрямо сжал губы. Застегнул рубашку,

брюки. Уселся в кресло и принялся рулить тремя наличными Геркулесами, пытаясь хоть как-то увеличить скорость уборки крыши от снега.

Проснулся Санёк в полчетвертого ночи, в холодном поту. Ему приснились пулеметные выстрелы и какой-то страшный грохот, словно с гор сошла лавина.

Вскочив, кинулся к мониторам. На камерах одного из Геркулесов белела муть, и на локаторах он был не виден. Движение двух других снегоуборщиков локаторы устойчиво фиксировали на общей панораме. Камеры этих Геркулесов показывали, как сыплет, не переставая, снег, как они упорно сгребают его отвалами и скидывают с крыши вниз. А еще, на экране общей панорамы, у самого края западного сектора было странное пятно. У Санька все заныло внутри от дурного предчувствия. Обернувшись, он посмотрел в окно, и, вместо привычного пейзажа внутренностей Пятой башни, увидел кружащую пургу. Где-то истошно взывала сирена тревоги.

Следующие четверо суток были сущим адом. Причем, первые двадцать четыре часа, казалось бы, самые трудные, Саньку дались легче многих. Было понятно, что делать. Действовать надо было быстро. Он просто откладывал на потом не срочные дела и мысли, чтобы получше и побыстрее вы-

полнять здесь и сейчас самое необходимое. Запретить выжившим Геркулесам подъезжать к месту провала. Отправить Таню с ее канатным уродцем в инспекцию, проверять, какие тросы исправны, какие оборвались и где именно. Всем, чем возможно, помочь, чтобы монтажники поскорее затянули образовавшуюся в крыше дыру. Спешно, в четыре руки с Михой, доделать, проверить и запустить в бой, на очистку крыши, четвертого Геркулеса. Запустить внутри башни пару коптеров, перенастроив их камеры на обзор того, что вверху...

Задачи падали на его голову и он честно отработывал их, одну за другой, пока через сутки аврала не срубился мертвым сном.

Самое трудное началось потом, когда иссяк поток срочных дел, когда пришла пора выяснять что же случилось, в какой именно последовательности и из-за чего...

Фуллереновые тросы выдержали. Ткань не порвалась. Выдержали и сделанные на заказ стальные талрепы. Крепежные кольца, к которым цеплялись талрепы, были изготовлены зацело с арматурой, на три метра вбетонированной в глубину несущей стены. Арматура и не шелохнулась. Полопались от нагрузки крепежные кольца, торчавшие из бетонного парапета.

Полопались на западном крае внешней стены, где сразу в семнадцати точках подряд к одному и тому же, торчащему из парапета кольцу монтажники крепили сразу два троса.

Продольные и поперечные тросы в этом месте стены разошлись от таких колец под прямым углом. Так совпал шаг в полтора метра, что и продольные, и поперечные тросы удобно было крепить к одному кольцу. В результате нагрузка на эти крепежные кольца оказалась вдвое больше. Причем, это была нагрузка на разрыв в разные стороны. А сверху надавил мокрый снег, наметенный именно в этом месте особо толстым слоем.

Один из Геркулесов не смог сдвинуть слишком большой и мокрый сугроб. Как показала запись с его камер, снегоуборщик застревал перед сугробом, проскальзывал пластиковыми гусеницами по мокрой ткани крыши. Раз за разом срабатывал алгоритм "не могу сдвинуть весь сугроб, беру чуть вправо и срезаю его часть". Геркулес отъезжал в сторону, подходил к сугробу так, чтобы врезаться в него лишь половиной отвала, но пока он ходил туда-сюда, метель наметала ему на пути еще снега, и он снова не мог дотащить его до края крыши и скинуть вниз. Получалось, что Геркулес пару часов елозил вокруг образовавшегося сугроба, лишь понемногу продвигая его к краю крыши и нагребая при этом все больше снега. В результате одно из колец под ним не выдержало нагрузки и лопнуло. Вся снежная масса вместе с Геркулесом устремилась вниз, дергая и обрывая столь же хрупкий крепеж тросов слева и справа.

За пару секунд лопнули сразу семнадцать крепежных колец. Бульдозер вместе с многотонным сугробом съехал вниз

и рухнул на головы рабочих строительной платформы и потолочной бригады. На пострадавшей от обвала строительной платформе в ту ночь работали "гномы".

Узнав об этом Саня словно окаменел. Он больше не мог ни действовать, ни думать о чем-то другом. Он клял себя за то, что Маша, возможно, погибла по его вине, за то, что сколько классных ребят и девочек убил или ранил его Геркулес. "Гномы" и их коллеги потолочники возводили седьмой этаж, так что экскаватор и многотонная лавина снега обрушились на них с высоты тринадцати этажей. А те, кого лавиной скинуло вниз со строительной платформы, упали на бетон фундамента с седьмого этажа.

Пока Саня лихорадочно спасал крышу, другие спасали людей. Откапывали из снега, оперировали. Теперь ему только и оставалось, что дрожащими пальцами набирать на комме запросы, выискивая Машу Самойлову, его милую, рыжеволосую Молли, в списках раненных или убитых.

Маши в списках не было, но и на звонки ее комм не отвечал. Саня кинулся к Яне Романовне, узнать, что стало с бригадой "гномов", то есть с двадцать третьей монтажной бригадой. Оказалось, бригада расформирована. Пятнадцать из двадцати трех работников сейчас в госпитале Второй башни. Двое погибли. А бригада потолочников в больнице почти поголовно. Всего же погибло от этой аварии восемь человек. Шестеро на месте. Еще двое умерли потом, в реанимации.

Птицын кинулся в госпиталь, надеясь встретить там

знакомых, расспросить про Машу и вообще помочь ребятам хоть чем-то.

Маша сидела у посели Торина, перебинтованного, в гипсе, узнаваемого только из-за рыжей своей бороды. Держала в ладонях его руку, прижимая ее к груди и что-то ему говорила, говорила. Саня не слышал, что именно. Увидев Машу за прозрачной стеной госпитальной палаты, он замер и просто смотрел на ее лицо, слегка поцарапанное, но такое красивое, и на самый прекрасный в мире взгляд... устремленный на Торина. Взгляд влюбленной женщины. На него, на Саню, она так никогда не смотрела.

Отдав знакомым "гномам" из соседней палаты принесенные в пакете печенюшки, шоколадки и апельсины, Саня поплелся обратно в свой контейнерный домик, потерявший вдруг всякий смысл. Всякий смысл для него потеряла и работа, и само присутствие на этой грандиозной стройке. Он пытался себя превозмочь, отвлечься, но каждый день, каждый час возвращался к безжалостному факту: Маша любит другого. Возможно всегда любила, а Сане только морочила голову. А еще он постоянно думал о том, что из-за его ошибок и небрежности восемь человек погибли и больше тридцати серьезно покалечены. От Снейка, отделавшегося сотрясением мозга и ушибами, Саня узнал, что погиб добродушный верзила Гро. Снесенный снежной лавиной с платформы вниз, он сломал шею. А Леська, та самая, которую Маша ру-

гала в день их первой встречи, уже третий день лежит в реанимации и не выходит из комы.

Все валилось из рук. Данила орал и ругался, но Санёк даже не понимал, что теперь им всем от него надо. На четвертые сутки после аварии он написал заявление об уходе и понес его шефу на подпись.

– Струсил? Бросить нас хочешь? – Святослав Игоревич устало посмотрел на Санька, положил его заявление на стол и откинулся на спинку стула.

– Я... Но ведь я же не справился. Мои роботы не успели крышу расчистить. Мой снегоуборщик нагреб там целую гору. Под ее тяжестью все и оборвалось.

– Если бы я считал, что ты не справляешься со своей работой, то уже давно нашел бы тебе замену, парень, – покачал головой шеф. – Если ты струсил, испугался трудностей и ответственности, то так и скажи. А если нет...

– Нет. Не испугался... Просто я не могу тут дальше работать, так, словно ничего и не происходило.

– Вот оно что! То есть ты этим своим увольнением хочешь себя наказать? Хочешь таким образом заставить замолчать свою совесть? – Святослав Игоревич горько усмехнулся. – Поверь моему опыту, совесть не заткнется. Теперь это с тобой навсегда. Если ты в чем-то считаешь себя виноватым, то переубеждать бесполезно. Я и не буду. Вот только наша служба безопасности провела подробное расследование. Я с

ним внимательно ознакомился, и вижу, что ты все делал правильно. Законов и инструкций ты не нарушил. Твои недочеты, если они и были, не могли сами по себе послужить причиной аварии. Даже чисто по совести, лично тебя я в этой ситуации ни в чем винить не могу.

– А я могу. – Санёк упрямо сжал губы.

– Что ж, это твое личное дело. Если ты в чем-то видишь свою вину, то искупи ее. Исправляй, что в силах исправить. Сделай так, чтобы подобные аварии больше не повторялись. Помоги, как умеешь, тем, кто пострадал. Но главное, – шеф привстал, уперев кулаки в столешницу и грозно нахмурился, – не смей усугублять свою вину! Ты сейчас собрался нас бросить. Бросить три тысячи человек, которые именно в этот момент очень нуждаются в твоей помощи. Ты понимаешь, что кроме тебя здесь некому разбираться со снегоуборщиками и с этим твоим... который под куполом на канатах ездит? Запомни, парень. Если сейчас сбежишь с поля боя, то я тебе этого не прощу. – Он снова сел и продолжил уже с какой-то грустью в голосе: – А гораздо хуже, что ты и сам себе этого никогда не простишь. – Подобрвав заявление об уходе, шеф аккуратно разорвал его и кинул в мусорную корзину. – Иди работай. Это твой проект. Твоя крыша. Так доведи ее до ума. Раз впрягся, то тяни свою лямку. Крыша должна выдержать хотя бы эту зиму. Дальше все будет уже не так критично, и я смогу тебя отпустить, если ты, конечно, к тому времени не передумаешь.

Домой Санёк вернулся в растрепанных чувствах и встретил там Данилу. Бледного, злого и даже, кажется, немного похудевшего. Коллега набросился на Санька с места в карьер:

– Твой канатный уродец, оказывается, может подкручивать талрепы. Танюха вполне с этой задачей справляется, но, ты понимаешь, что нам нужно ослаблять талрепы с обеих сторон каната, чтобы его потом перецепить на соседнее, не треснувшее крепежное кольцо? С двух сторон, понимаешь? То есть с одной стороны будет Таня роботом орудовать, а с другой на верхотуру полезет живой человек. Монтажник. Там в среднем тринадцать этажей пропасть под ним. И уступ всего в сорок сантиметров, и сверху, заметь, в метре над ним надувная крыша и этот чертов трос. И сквозняк изо всех щелей, от которого пальцы леденеют, даже в перчатках. А монтажник будет согнутый в три погибели на таком вот уступчике корячится! И как его туда доставлять? А если он упадет и убьется? Мне, чтобы расцепить на разные крепежные кольца все те тросы, которые эти рукожлопы по два на кольцо нацепляли, надо перехреначить почти шестьдесят тросов! Сколько я с этим провожусь? А снег в любой момент опять начнет сыпать. Риск повторной аварии огромен. Ты понимаешь, что мне как воздух нужен второй такой же канатный...

– А из чего я его сделаю? Там же все было из ржавого

хлама...

– Делай из чего угодно. Только делай. Прямо сейчас. Такого не хочешь, делай другого уродца. Только чтобы он мог двигаться снизу по канатам, чтобы мог талрепы крутить и отцеплять-прицеплять. И хватит делать вид, что эта авария тебя раздавила и ты ничего теперь не можешь. Я от тебя не отстану. Соберись и работай.

– Ладно, Данил, хватит уже нудеть. Тащи лучше манипуляторы, какие найдешь и канатные ролики на электротяге. Еще нужны хотя бы четыре подвижных видеокамеры, аккумулятор... Щас я тебе полный список нужного набросаю, с желаемыми параметрами... И вот еще что. Пластиковые гусеницы – это фуфло. Геркулесы из-за них на мокрой ткани проскальзывают и тяжелый сугроб толком сдвинуть не могут. Надо придумать, как нацепить на гусеницы какую-нибудь резину, лучше шипованную... Ну это я сам, чуть позже займусь.

Вечером, когда Санёк вытянувшись и закрыв от усталости глаза лежал на кровати, пришла Маша. Тихонько постучалась, приоткрыла дверь.

– Можно?

– Заходи, солнышко. – Он вскочил. – Я всегда тебе рад. Очень сердисься на меня?

– Я на тебя? За что?

– За крышу. На звонки не отвечала... Ты садись.

– Да у меня комм пропал в этой лавине. – Она осторожно присела на стул.

– Понятно. А сама ты как себя чувствуешь? – Санёк сел рядом, внимательно ее разглядывая.

– Кости целы. – Маша чуть поморщилась. На пальцах и на щеках следы обморожения. – Врач говорит, ерунда, мол, ушибы и вот это все... Повезло, говорит, тебе. Заживет и шрамов не останется.

– Ты прости, что я не уберег тебя... вас всех.

– Ты-то при чем? Ты же роботов делаешь. А там крепежи полопались... Это ты прости меня, Сань.

– За что?

– Ну, за Торина, – она вздохнула. – Мне ребята потом сказали, что ты видел...

– Видел. И что?

– Да, понял, наверное, что я люблю его. Расстроился.

– Расстроился, конечно... Ты ведь ему совсем не нужна.

Он даже...

– Понимаешь, – она взяла его за руку, – я, наверное, всегда Сережу любила. Просто сама до конца этого не понимала. Он за мной почти не ухаживал. Вокруг него всегда из девчонок был хоровод. Вся бригада за ним была, как за каменной стеной. А я так, надежный друг, поболтать иногда о том, о сем, помочь, поддержать, когда срочно надо... А ты вот стал за мной ухаживать. Да и вообще весь такой класс-

ный, умный, престижный... Пушкин, ты даже не представляешь, насколько ты крутой. Если бы я Торина не любила, я бы обязательно в тебя влюбилась. Ты прости меня, дуру. Тебе одни мучения из-за меня, да?

– Говорят, он весь переломан.

– Обе ноги, ребра, рука, ключица.

– А вдруг он никогда больше не будет ходить?

– А вдруг будет? Врачи говорят, молодой, со временем все срастется. А сейчас оказалось вдруг, что кроме меня рядом с ним никого почти нет. Да я... Он ведь тоже меня любит. Санечка, миленький, прости меня. Я никак не могу сейчас его бросить.

– Боишься, что кто-то тебя осудит?

– Да при чем тут?... У нас с ним не было ничего такого... в смысле секса или обещаний. Просто дружба была. А теперь вот так... Ладно. Побегу я, да? Ты прости меня, если сможешь... Всё, пока! – она вскочила и выбежала прочь.

Дни шли, тянулись в тягостной суете, в мелких делах и сиюминутных удовольствиях, чтобы только отвлечься. Мороз снаружи опять сменился оттепелью, словно погода извинялась за зиму, накатившую раньше срока. Впрочем, выходить наружу не хотелось. Санёк слетал однажды посмотреть на лежбище моржей и на птичий базар на побережье, но не особо впечатлился местной природой. Самое интересное

происходило здесь, внутри башни.

Он доделал заказанного Данилой робота. Оказалось, что два канатных уродца справляются с задачей перецепления канатов в разы быстрее, чем люди, так что, перецепив каждый канат крыши на отдельное крепежное кольцо, Степан Иванович и Данила на этом не остановились.

– Раз мы лоханулись при закупке этой арматуры, то обратно отыграть уже не получится. Святослав Игоревич, конечно, взгрел Жюха, который поставил нам это дерьмо. И в суд на производителей арматуры подал, так что, вполне возможно отсудит у них крупную сумму и даже возместит расходы на компенсации пострадавшим... Не, ну правда, для всех элементов крепежа при заказе продукции были заложены четкие требования, в том числе и запас прочности втрое превышающий все расчетные нагрузки... А теперь оказалось, что эти кольца даже при пятидесятипроцентном превышении расчетной нагрузки рвутся. В результате у нас весь периметр башни утыкан хреновым, но намертво вмурованным в бетон крепежом. Впрочем, мы с Иванычем, кажется, придумали, как с этим бороться.

– И как?

– Надо боле равномерно распределить нагрузку на уже имеющиеся крепежные элементы.

– Один трос, одно кольцо – как ты еще-то распределишь?

– Элементарно, Ватсон! Распределим нагрузку каждого троса между двумя расположенными поблизости кольцами!

Если талреп прикрепить сбоку на хорошо натянутый фуллереновый трос, то трос спокойно выдержит эту нагрузку. Так что нам надо всего-то натянуть такой фуллереновый тросик между соседними кольцами крепежа. Намертво закрепить на соседних кольцах, и потом цеплять талреп сбоку на такой вот натянутый между колечками трос. Дело не быстрое, но за пару месяцев мы точно управимся, и уж потом сможем спать спокойно при любом снегопаде.

Санёк, слушая эти рассуждения, только кивал. Сам он уже работал над усовершенствованием алгоритма поведения Геркулесов. Рухнувший с крыши Геркулес был к тому моменту приведен Михой в работоспособное состояние и снова отправлен в бой. Выбранные и оплаченные резиновые насадки на гусеницы всех четырех Геркулесов уже плыли в Светлогорск.

Строители закончили, наконец, второе кольцо, и теперь в башне появились первые собственные помещения – огромные залы шириной около двадцати метров, с двумя рядами опорных колонн по центру.

Был запущен внутренний лифт, по которому теперь можно было легко попасть на бетонную крышу. Да, эта крыша была пока шириной всего двадцать метров, но следующее кольцо должно сделать ее шире, потом еще шире. Жизнь постепенно налаживалась. Даже смотреть, как Маша помогает Сереге Проторину садиться на больничной кровати, Саня уже мог без прежней горечи и сердечной боли.

Беда, как обычно, пришла, откуда не ждали. Геркулесы, работавшие по новой схеме, ссыпали теперь снег вниз в строго определенных местах. Его нельзя было сыпать на крышу крытой галереи, на въезд для грузовиков, на пешеходный вход в башню со стороны аэродрома. Нельзя было ссыпать снег и вблизи от внешнего грузового лифта. С учетом всего этого Саня нарисовал схему сброса снега и запрограммировал Геркулесов. Вот только чередка снегопадов и оттепелей привела к тому, что в местах постоянного сброса на стенах выросли немалых размеров сосульки. Даже, скорее, огромные сосулищи.

Эстетически, при взгляде снаружи, это делало бочку Пятой башни даже нарядной. Со временем, особенно в оттепель, сосулищи, конечно, обрушивались вниз. Но ничего важного под ними не было. Никаких проблем не возникало, пока мегасосулька с юго-восточного склона не рухнула вниз вместе с куском стены. Конечно, упала не вся монолитная внешняя стена башни, а только одна стеновая сэндвич-панель с утеплителем, видимо, плохо закрепленная. При этом она оторвала еще и кусок находившегося под ней бетонного парапета. Теперь в этом месте парапет оказался без утепления, и, что гораздо опаснее, со сквозной дырой где-то в полквадратного метра.

Ветер стал задувать в эту дыру, подвывая, как Соловей

разбойник в свистящий зуб. Это раздражало. Кроме того, в дыру уходило немало тепла. Но самое скверное было в том, что ветер не утихал. Он стал усиливаться, задуть, дергая все сильнее. Крыша словно надулась изнутри, как парус во время шторма. По ней побежали опасные волны дрожи.

Вагончик Санька к тому времени превратился в своего рода "пульт управления крышей", так что именно там собрались Семен Иванович, Данила и прибежавшая к ним срочно Яна Романовна. Глядя на происходящее безобразие через камеры коптеров и роботов, они совещались, что предпринять и в какой последовательности. И тут ветер рванул с такой силой, словно некий злой бог вставил в дырку палец и дернул, чтобы вскрыть их башню, как банку с пивом. Громкий щелчок – это лопнуло ближайшее к дырке кольцо, державшее трос.

– Я же говорил! – взвыл Данила. – Надо срочно распределять нагрузку с каждого троса не на одно, а на два соседних кольца!

– Так... Прямо сейчас это вряд ли возможно, – сказала Яна Романовна. – Что мы реально можем сделать? Если послать туда рабочих, их просто сдует. Хватит с нас человеческих жертв, слышите? Думаем головой!

Ветер, рванув, задрал не прикрепленный к парапету кусок надувного мата, словно спеша поскорей оборвать и соседние канаты. Еще одно крепление лопнуло, и на ветру затрепыхался уже пролет шириной метра четыре.

– Надо просто придавить это место Геркулесами! – сообщил Санёк, и кинулся к пульту. – Скорей, садитесь сюда и сюда. Давайте все вместе! Если один Геркулес заедет, его может ветром выбросить, как игрушку! Надо сразу все четыре. Ну, Степан Иванович! Вот так. Вот! Вперед. Смелее! Перевернуть Геркулеса невозможно. Он очень устойчив. Вот они все на общей панораме. Гоните их в эту точку... Не спешите. Я сейчас своего с северного края приведу, и тогда мы вместе... Только бы успеть, пока еще больше тросов не сорвало.

– Александр Сергеич, я ведь никогда этой штукой не управляла! А если я случайно промахнусь и скину его с крыши?

– Ну, это невозможно, Яночка, – вмешался Семен Иванович: – Наш компьютерный гений запретил им падать с крыши. Там в программе просто блокировка стоит на все действия ведущие к тому, чтобы подойти слишком близко к краю. Локаторы с точностью до дециметра отслеживают положение Геркулесов, поэтому... Вот черт! Только сейчас понял, как этот гад поворачивает.

– Ну как, все готовы? – Санёк подогнал своего Геркулеса к трем другим, уже столпившимся вокруг нервно трепыхающегося на ветру края. – На счет "три" все вперед. Раз, два, три!

Ветер опять взвыл, но они, накатив, уже прижали ткань, всем своим весом к "земле", точнее к бетонной крыше, находящейся в метре под крышей надувной.

Ветер дул все также, порой даже сильнее, но теперь он под крышу не поддувал. И дырка в парапете теперь находилась не под крышей, а над ней, очень хорошо видная с камер одного из Геркулесов.

– Пушкин, ты мой герой! – Яна Романовна обняла Саню и на радостях чмокнула его в щеку. – Теперь я и сама могу сходить, глянуть изнутри, что там как. А когда ветер стихнет, монтажники все спокойно починят.

После того случая Санёк даже подумывал приударить за Яной. Хотя, конечно, она была старше него, и, к тому же, заметно поседела после первой аварии... Но все равно она симпатичная. И вообще, классная тетка. Совершенно удивительная, яркая, не внешне, а по своей сути. Вот только однажды Санёк увидел, как она смотрит на шефа... Таким же взглядом, как Маша на Торина.

В общем, с личной жизнью у Санька все было так себе. Работа, правда, продвигалась. С резиновыми накладками на гусеницах Геркулесы оказались гораздо эффективней чем раньше. Он еще несколько раз переделывал схему их работы, добиваясь, чтобы снег скидывался с крыши более равномерно, не засыпая запрещенных мест, но и не создавая больших сосулек. Санёк оснастил Геркулесов самыми разнообразными датчиками, чтобы мониторить крышу на предмет влажности, прочности и утечек воздуха. Думал, как усо-

вершенствовать универсальный манипулятор, чтобы Геркулес при его помощи мог не только смахивать снег с камер, но и капитально чистить себя от сосулек и грязи. А еще Саня работал над канатным и поверхностным роботами, которые должны были устранять возможные трещины и разрывы крыши. Пока таких трещин и разрывов почти не было, но через несколько месяцев работы они точно начнут создавать проблемы. Где-то крыша на сгибах постепенно перетиралась, где-то неудачно сколовшийся лед мог повредить ткань.

Крышу Саня уже давно воспринимал, как что-то живое. Как огромную и довольно капризную корову или, скорее, лошадь, с которой он вынужден возиться, постоянно поддерживая ее в форме, с полным брюхом и хорошо очищенной шкурой.

А стройка шла своим чередом. Перекрытия между второй и третьей кольцевыми стенами стали первой улицей строящегося города-дома. Двадцатью ярусами первой улицы. После того, как была построена первая винтовая подъемная дорога, соединившая улицы всех двадцати этажей в единую сеть, появилась возможность возить по дорогам грузы. Новые бригады строителей принялись за обустройство ставших доступными помещений на всех этажах. Началось превращение пустых бетонных залов в отдельные, разгороженные стенами квартиры. Туда стали проводить электричество и канализацию, делать всю остальную необходимую от-

делку. Первые жильцы начали вселяться в квартиры почти сразу, доделывая их уже по мере возможности. Санёк не спешил переселяться, хотя уже мог бы. Контракт позволял ему авансом, за год вперед, получить свои квадратные метры в башне. Ведь треть зарплаты он получал именно квадратными метрами. Но Саня не торопился превращать виртуальные метры в реальную квартиру. Что он там один будет делать? Он привык к своему контейнерному жилью – то ли дому, то ли центру управления все боле роботизированной крышей. Да, зимой внутри башни было всего около пяти градусов тепла. Так на то и теплая одежда, на то и электрообогреватель у входной двери. К биотуалету он привык. Привык и ездить раз в неделю в Третью башню, в общественную баню.

Когда строители возвели четвертую кольцевую стену, первая двадцатиэтажная улица получила свою законченную, годную к употреблению форму. По обе стороны улицы были теперь двери, за которыми люди могли спокойно обустроить свои жилища. На двадцатом этаже башни энергетики запустили небольшую газовую теплоэлектростанцию, которая обеспечивала строящийся город не только электричеством, но и теплом. Небольшой сектор, примерно десятая часть построенных колец, был отгорожен от остальной стройки теплоизолирующими "пробками" поперек дороги. Внутри этого сектора были проведены горячая вода и отопление, запущена нормальная вентиляция. Конечно, до обустроенной жизни было еще далеко, но она постепенно, шаг за шагом, пре-

вращалась из мечты в реальность.

И однажды в Пятой башне открылся свой собственный ресторан. Конечно, во Второй и в Портовой башнях давно работали и рестораны и кафешки, но туда еще надо было доехать. А тут свое, прямо под боком. Цены в новом ресторане оказались ломовые, а выбор блюд – невелик, но в первый день после открытия там было битком народу. Во второй тоже. На третий ажиотаж немного спал, и Санёк с Данилой решились туда заглянуть после работы.

– Господи, как хорошо-то, – Санёк подцепил на вилку ломтик кальмара и запил его шампанским... Ну, или чем-то похожим, сладковатым, игристым. – Как мало человеку надо, оказывается. Совсем немножко чистых белых стен, хрустала, зеркал и вежливых официанток. И вот это... слушай. Сейчас она опять будет играть.

На небольшой подиум в углу зала вышла совсем юная девушка. Приятным голосом она объявила:

– Виторио Монти. Чардаш. Рояль в записи. Скрипка настоящая. – Нажав на кнопку, она запустила запись музыки. Пока лились рояльные аккорды вступления, приложила скрипку к подбородку, подняла смычок. Заиграла. Лихо, задорно. Русые волосы расплескались по плечам. Милое, выразительное лицо с редкими веснушками. Ладная фигурка. Черные кожаная юбка и кожаная куртка с модными заклепками. Озорной взгляд. Приятная, мечтательная улыбка.

– Черт, как классно играет, – прошептал Санёк. – Как, говоришь, ее зовут?

Данила, терзающий куриную ногу, молча ткнул жирным пальцем в висящую на стене афишу.

– А, ну да. Ксения Стрельникова. Боже, какая девушка! Мечта поэта. Интересно, она здесь надолго?